

На водах / новелла

Category: Некаýалар, Китарсу
написано китарсу | 23 января, 2025
На водах / новелла НА ВОДАХ

Дневник маркиза де Розевейра

12 июня 1880 года. В Лоэш! Меня хотят отправить на месяц в Лоэш! Помилосердствуйте! На целый месяц в этот городишко, который считается самым скучным, самым мертвым, самым несносным из курортных городов. Да что я говорю, разве это город? Это просто дыра, которую едва ли можно назвать и деревней. Словом, меня приговорили к месяцу ссылки.

13 июня. Всю ночь думал об этом путешествии, которое приводит меня в ужас. Единственное, что мне остается, это взять с собой женщину! Быть может, это меня хоть немного развлечет. И потом, я испытаю таким образом, достаточно ли я созрел для брачной жизни.

Целый месяц совместного пребывания, месяц общей жизни с другим существом, жизни вдвоем в полном смысле слова, разговоров в любой час, днем и ночью. Черт возьми!

Взять женщину на месяц – это, правда, не так серьезно, как взять, ее на всю жизнь; но это уже гораздо сложнее, чем взять ее только на один вечер. Я знаю, что могу ее отправить обратно с сотней – другой луидоров, но тогда я останусь в Лоэше один, а это вовсе не весело.

Выбор – дело не легкое. Я не хочу ни кокетки, ни дуры. Не надо, чтобы она ставила меня в смешное положение, заставляла стыдиться ее. Я хочу, чтобы говорили: «Маркизу де Розевейру повезло», – но не хочу, чтоб за моей спиной шушукались: «Бедняга маркиз де Розевейр!»

Словом, моя случайная подруга должна обладать теми качествами, которые я желал бы найти в подруге всей моей жизни. Единственное допустимое различие между ними – это то, которое существует между новой вещью и вещью, купленной по случаю. Баста! Я найду, надо заняться этим!

14 июня. Берта!.. Вот как раз то, что мне нужно. Двадцать лет, хорошенькая, кончила консерваторию, ждет предоставления роли, будущая звезда. Хорошие манеры, чувство собственного достоинства, ум и... любовь. Вещь, приобретенная по случаю, но сойдет за новую.

15 июня. Она свободна. Не связанная ангажементом, ни деловым, ни сердечным, она согласна; я сам заказал все ее платья, чтобы она не была похожа на содержанку.

20 июня. Базель. Она спит. Начну свои путевые заметки.

Она совершенно очаровательна. Когда мы встретились на вокзале, я почти не узнал ее, – это была настоящая светская женщина. Конечно, эту девочку ждет блестящее будущее... в театре.

Мне показалось, что у нее стали другие манеры, походка, позы, жесты, улыбка, голос – словом, все безупречно. А прическа! О, прическа восхитительная, очаровательная и простая, как у женщины, которой не надо больше привлекать к себе внимание, не надо больше нравиться всем, роль которой уже не в том, чтобы с первого взгляда кружить голову каждому, кто ее видит, но которая хочет нравиться одному, тайно от всех, только одному. И это сквозило во всех ее движениях. Это выражалось так тонко и так несомненно, превращение показалось мне настолько полным и искусным, что я предложил ей руку, как предложил бы своей жене. И она непринужденно взяла меня под руку, будто и в самом деле была моей женой.

В купе, с глазу на глаз, мы сначала сидели неподвижно и молча. Потом она приподняла вуалетку и улыбнулась. И только. Улыбка хорошего тона. О, я опасался поцелуев, комедии нежности, неизбежной и пошлой игры кокетки, но нет, она воздержалась. Она с характером.

Потом мы болтали, не то как молодожены, не то как чужие. Это было прелестно. Она часто улыбалась, глядя на меня. Теперь уже мне самому хотелось расцеловать ее. Но я сохранил спокойствие. На границе чиновник в галунах внезапно открыл дверцу и спросил меня:

– Ваше имя, сударь?

Я был удивлен и ответил:

– Маркиз де Розевейр.

– Куда вы едете?

– На воды в Лоэш, в Валэ.

Чиновник записывал. Он продолжал:

– Эта дама... ваша жена?

Что делать? Как ответить? Я посмотрел на нее в замешательстве. Она была бледна и глядела куда-то вдаль... Я почувствовал, что сейчас нанесу ей незаслуженное оскорбление. И в конце концов я же взял ее себе в подруги на целый месяц!

Я произнес:

– Да, сударь.

Я видел, как она сразу покраснела. Я почувствовал себя счастливым.

Но и здесь, в отеле, когда мы приехали, хозяин подал ей книгу для приезжающих. Она сейчас же передала ее мне; и я знал, она смотрит, что я напишу. Это был наш первый интимный вечер!.. Ну, кто там станет читать эту книгу? Страница перевернута – и дело с концом. Я начертал: «Маркиз и маркиза де Розевейр, проездом в Лоэш».

21 июня. Шесть часов утра. Базель. Мы едем в Берн. Мне решительно повезло!

21 июня. Десять часов вечера. Странный день. Я немного взволнован. Это глупо и смешно.

Дорогой мы мало говорили. Она встала слишком рано, казалось утомленной, дремала.

Приехав в Берн, мы сейчас же решили полюбоваться на альпийскую панораму, которой я никогда еще не видел, и отправились по городу как молодожены.

Вдруг мы увидели необозримую равнину, а там, далеко-далеко, ледяные вершины. Так, издали, они не казались громадными, и, однако, от этого зрелища у меня захватило дыхание. Нас заливали лучи заходящего солнца, жара была ужасная. Они же стояли холодные и белые, эти ледяные глыбы. Юнгфрау, Девственница, возвышалась над своими братьями, являя взору широкие снеговые склоны, и вокруг нее, насколько мог видеть глаз, толпились белоголовые великаны, вечные ледяные вершины, посветлевшие, словно посеребренные в свете угасающего дня, на темной лазури неба.

Их исполинское недвижимое нагромождение вызывало мысль о начале какого-то чудесного нового мира, мертвой утесистой страны, оледеневшей, но исполненной таинственного очарования и манящей, как море. Воздух, который ласкал эти покрытые вечными снегами вершины, казалось, долетал к нам по узким цветущим лугам совсем иным, чем воздух, животворно веющий над долинами. В нем было нечто терпкое, сильное и бесплодное, как бы очарование недосыгаемых просторов.

Берта смотрела, потрясенная, и не могла произнести ни слова. Она взяла мою руку и крепко сжала ее. Я и сам был охвачен тем лихорадочным трепетом, тем чувством восторга, которое мы испытываем иногда при виде неожиданного зрелища. Я взял эту дрожащую ручку и поднес к губам. И, право же, я поцеловал ее с любовью.

Я был немного взволнован. Чем же? Бертой или ледниками?

24 июня. Лоэш, десять часов вечера.

Все путешествие было восхитительным. Мы провели полдня в Туне, любуясь суровой цепью гор, через которую нам надлежало перейти на другой день.

С восходом солнца мы переехали через озеро, может быть, самое красивое во всей Швейцарии. Мулы уже ожидали нас. Мы уселись верхом и отправились в путь. Позавтракав в маленьком городке, мы начали восхождение, медленно поднимаясь по лесистому ущелью, все время уходившему вверх под сенью высоких гор. Местами на склонах, которые спускаются точно с самого неба, видны были разбросанные белые точки – швейцарские хижины, попавшие туда неведомо как. Мы переправлялись через горные потоки и видели иногда, между двумя высокими, поросшими елью утесами, огромные снежные пирамиды, казавшиеся совсем близкими; можно было поклясться, что доберешься туда в двадцать минут, а до них, пожалуй, не дойти и за двадцать четыре часа.

Иногда мы перебирались через какой-то хаос камней, через узкие долины, загроможденные сорвавшимися глыбами, – как будто две горы столкнулись в поединке на этом ристалище, усеяв место битвы обломками своих гранитных тел.

Берта в изнеможении дремала в седле, по временам открывая

глаза, чтобы поглядеть еще раз. В конце концов она заснула, и я поддерживал ее одной рукой, счастливый этой близостью, чувствуя сквозь платье нежную теплоту ее тела. Настала ночь, а мы все продолжали подниматься. Остановились у двери маленькой гостиницы, затерянной в горах.

И мы заснули. Как мы спали!

На рассвете я подбежал к окну и вскрикнул. Берта подошла ко мне и остановилась в изумлении и восторге. Мы провели ночь среди снегов.

Повсюду нас окружали громадные и бесплодные горы в белых мантиях, из-под которых торчали серые ребра скал, горы без единой сосны, угрюмые и оледенелые; они вздымались так высоко, что казались недосыгаемыми.

Через час после того, как мы снова двинулись в путь, мы увидели в глубине воронки из гранита и снега черное, мрачное озеро, совершенно гладкое, без малейшей ряби; мы долго ехали по его берегу. Проводник принес нам несколько эдельвейсов, бледных цветов, растущих вблизи ледника. Берта приколотла их букетиком к корсажу.

Вдруг скалистое ущелье расступилось перед нами, открывая необычайную панораму: всю цепь Пьемонтских Альп по ту сторону долины Роны.

Там и сям над множеством меньших гор поднимались высокие вершины. Это были Мон-Роза, величавая и грузная, Сервен – правильная пирамида, на которой погибло столько людей, Дан-дю-Миди и сотни других белых вершин, блестящих на солнце, как алмазные.

Тропинка, по которой мы ехали, внезапно оборвалась у края пропасти, и в самой бездне, на дне черного колодца глубиной в две тысячи метров, мы увидели между отвесных бурых и диких скал ковер зеленой травы и несколькими белыми точками, напоминающими барашков на лугу. Это были дома Лоэша.

Пришлось сойти с мулов, так как дорога становилась опасной. Тропинка спускается по скале, вьется, кружит, бежит вперед, возвращается, но все время тянется над пропастью и над лежащей в ней деревней, которая все увеличивается по мере приближения. Это-то и есть так называемый перевал Жемми, если и не самый

красивый в Альпах, то все же один из красивейших.

Берта опиралась на меня, вскрикивала от радости, вскрикивала от страха, радостная и пугливая, как дитя. Когда мы отстали на несколько шагов от проводника, скрывшегося за выступом скалы, она поцеловала меня. Я обнял ее...

Я сказал себе: «В Лоэше я обязательно дам понять, что она мне вовсе не жена».

Но ведь всюду я обращался с ней, как с женой, всюду я выдавал ее за маркизу де Розевейр. Не мог же я теперь записать ее под другим именем! И вдобавок я этим смертельно оскорбил бы ее, а она такая очаровательная. Я сказал ей:

– Дорогая, ты носишь мое имя, меня считают твоим мужем; надеюсь, ты будешь вести себя крайне осторожно и крайне сдержанно. Никаких знакомств, никакой болтовни, никаких отношений. Пусть тебя считают гордой, но веди себя так, чтобы мне никогда не пришлось раскаиваться в том, что я сделал.

Она ответила:

– Не беспокойся, мой милый Рене.

26 июня. Лоэш вовсе не скучное местечко. Нет. Дико, но очень красиво. Эти скалистые стены вышиною в две тысячи метров, по которым, подобно струйкам серебра, бегут сотни горных потоков, этот вечный шум текущей воды, затерявшаяся в альпийских горах деревушка, откуда, как со дна колодца, смотришь на движущееся по небу далекое солнце, на соседний ледник, весь белый в расщелине горы, эта спускающаяся к Роне, изрезанная ручейками долина, где столько деревьев, свежести и жизни, и, наконец, этот вид на далекие снеговые вершины Пьемонта – все здесь меня прельщает и приводит в восторг. А может быть... если бы Берты не было здесь...

Это милое дитя – совершенство; она сдержанна и изящна, как никто. Я постоянно слышу:

– Как мила эта молоденькая маркиза!..

27 июня. Первая ванна. Прямо из спальни спускаешься в бассейн, где мокнет человек двадцать купальщиков, уже закутанных в длинные шерстяные халаты, мужчины и женщины вместе. Кто ест, кто читает, кто разговаривает. Перед каждым – маленький плавучий столик, который можно толкать перед собой. Иногда

затеваается игра в веревочку, что не всегда прилично. С высоты галереи, окружающей купальню, мы похожи на больших жаб в лоханке.

Берта пришла в эту галерею поболтать со мной. Она обратила на себя всеобщее внимание.

28 июня. Вторая ванна. Четыре часа в воде. Через неделю я буду сидеть по восемь часов. Мои товарищи по купанию – князь Ванорис (Италия), граф Левенберг (Австрия), барон Самуил Вернэ (Венгрия), или что-то в этом роде, плюс десятки полтора менее значительных особ, но все дворяне. На этих курортах только и встречаешь, что дворян.

Все они один за другим просят представить их Берте. Я отвечаю: «Да» – и уклоняюсь. Прослыл ревнивцем, вот глупая история!

29 июня. Черт возьми! черт возьми! Когда мы возвращались в гостиницу, княгиня Ванорис сама подошла ко мне, желая познакомиться с моей женой. Я представил Берту, но попросил ее тщательно избегать встреч с этой дамой.

2 июля. Вчера князь затащил нас к себе: у него собралась за чаем вся курортная знать. Без сомнения, Берта была лучше всех женщин. Как же быть?

9 июля. Эх, будь что будет! Ведь из этих тридцати аристократов, по крайней мере, десять вымышленных. Из шестнадцати – семнадцати женщин найдется ли больше двенадцати по-настоящему замужних, а из этих двенадцати хотя бы больше половины безупречных? Тем хуже для них! Сами виноваты!

10 июля. Берта – королева Лоэша! Все без ума от нее, ее чествуют, балуют, обожают! Она действительно способна восхищать своей грацией и прекрасными манерами. Мне завидуют.

Княгиня Ванорис спросила меня:

– Ах, маркиз, где вы нашли такое сокровище!

Мне так и хотелось ответить: «Берта получила первую награду в консерватории, по классу комедии, приглашена в Одеон, свободна с пятого августа тысяча восемьсот восьмидесятого года».

Вот бы гримасу скорчила княгиня Ванорис! Боже милосердный!

20 июля. Берта прямо-таки удивительна. Ни одной бестактности, ни одного промаха. Чудо!

10 августа. Париж... Все кончено. На сердце тяжело. Накануне

отъезда я думал, что все расплачутся.

Решили посмотреть восход солнца на Торенгорне и вернуться обратно к нашему отъезду. В путь отправились около полуночи верхом на мулах. Проводники держали в руках фонари, и длинный караван тянулся по извилистым дорогам соснового леса. Потом проехали пастбище, где пасутся на воле стада коров. Потом достигли каменистой области, где даже трава, и та не растет. Иногда во мраке мы различали то по одну, то по другую сторону дороги белые груды – залежи снега в расселинах горы.

Холод становился резким, пощипывал лицо, шею. С гор дул сухой ветер; он обжигал горло, принося с собой морозное дыхание стомильной гряды ледяных круч.

Была еще ночь, когда мы достигли вершины. Распаковали провизию, чтобы выпить шампанского при восходе солнца. Небо над головою бледнело. У самых ног мы уже различали пропасть, а там, в нескольких сотнях метров, другой горный кряж.

Весь небосклон казался синевато-бледным, но еще ничего не было видно вдали.

Вскоре мы разглядели слева огромную вершину, Юнгфрау, потом другую, потом третью. Они появлялись мало-помалу, как будто вставая вместе с рассветом. С изумлением видели мы себя в кругу этих колоссов, в этой безотрадной стране вечных снегов. И вдруг развернулась гигантская цепь Пьемонтских Альп. Другие вершины показались на севере. Да, перед нами действительно была необъятная страна великих гор с обледенелым челом, от Ринденгорна, тяжеловесного, как и его имя, до едва различимого призрака – альпийского патриарха Монблана.

Одни были гордые и стройные, другие приземистые, иные бесформенные, но все одинаково белые, как будто некий бог раскинул по бугристой земле незапятнанно-чистое покрывало.

Некоторые казались в такой близости, как будто можно было вспрыгнуть на них, другие были так далеко, что их едва можно было различить.

Небо стало красным, и горы все стали красными.

Облака как бы источали на них свою кровь. Это было великолепно, почти страшно.

Но вскоре пламенеющие облака побледнели, и вся рать горных вершин постепенно стала розовой, нежно-розовой, как платье молодой девушки.

И над покровом снегов появилось солнце. Тогда вся семья ледяных вершин побелела, заискрилась, словно множество серебряных куполов поднялось над горизонтом.

Женщины смотрели в восторге.

Вдруг они вздрогнули: хлопнула пробка от шампанского, и князь Ванорис, протягивая бокал Берте, воскликнул:

– За здоровье маркизы де Розевейр!

Все закричали:

– За здоровье маркизы де Розевейр!

Она встала на ступенях и ответила:

– За здоровье всех моих друзей!

Три часа спустя мы были в долине Роны и сели в женевский поезд.

Едва мы остались одни, Берта, только что такая счастливая и такая веселая, закрыла лицо руками и разрыдалась.

Я бросился к ее ногам:

– Что с тобой? Что с тобой? Скажи, что с тобой?

Она пролепетала сквозь слезы:

– Вот и... вот и... вот и покончено с жизнью порядочной женщины!

Право, в эту минуту я готов был сделать глупость, большую глупость!.. Но я ее не сделал.

Как только мы приехали в Париж, я расстался с Бертой. Позднее, может быть, у меня не хватило бы на это сил.

(Дневник маркиза де Розевейра не представляет никакого интереса в течение двух последующих лет. Но под датой 20 июля 1883 года мы находим следующую запись.)

20 июля 1883 года. Флоренция. Недавно – грустное воспоминание.

Я гулял по парку Кашины, когда какая-то женщина остановила коляску и подозвала меня. Это была княгиня Ванорис. Не успел я подойти к коляске, как она заговорила:

– О маркиз, дорогой маркиз, как я рада, что встретила вас!

Скорее, скорее расскажите мне про вашу жену. Это, право, самая очаровательная из всех женщин, каких я только знавала в жизни.

Я был смущен, не знал, что сказать, пораженный в самое сердце.

Я пробормотал:

– Никогда не напоминайте мне о ней, княгиня, вот уже три года, как я потерял ее.

Она взяла меня за руку.

– О, как мне жаль вас, друг мой!

Мы расстались. Я вернулся домой грустный, недовольный, думая о Берте, как будто мы с ней только что разлучились.

Судьба часто совершает ошибки!

Сколько порядочных женщин родилось на свет, чтобы быть кокетками, и они доказывают это на каждом шагу.

Бедная Берта! Сколько других родилось, чтобы быть порядочными.

И она... может быть... больше, чем кто бы то ни было... Но что поделаешь!.. Не надо об этом думать...

* * *

Новелла впервые напечатана в «Голуа» 24 июля 1883 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Н.Соколовой. Neкаýalar